## АКАДЕМИЯ НАУК СССР институт востоковедения

## ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник IV

## А. Г. ПЕРИХАНЯН КАРЛ ГЕРМАНОВИЧ ЗАЛЕМАН

Карл Германович Залеман принадлежал к числу тех ученых-ориенталистов последней четверти XIX и начала XX в., которые завоевали для русского востоковедения одно из почетных мест в истории изучения Востока. Заслуги Карла Германовича не огоаничиваются написанием ояда блестящих научных исследований и подготовкой нового поколения ооиенталистов. Очень много энергии и времени было им затрачено на организаработу: уже один факт двадцатишестилетнего пребывания на посту директора Азиатского музея и почти столь же длительного исполнения должности директора II отделения Библиотеки Российской Академии наук говорат об этом.

К. Г. Залеман 1 родился 29 декабря 1849 г. в г. Ревеле (Таллин) в немецкой дворянской семье, переселившейся Померании еще в XVII в. 2. В десятилетнем возрасте Залеман поступил в ревельскую школу, Ritter-und Domschule, которую окончил в 1867 г. В этой же школе, только классом старше, учился В. Р. Розен, с которым Залемана связала тесная дружба, продолжавшаяся в течение всей жизни. Еще в школьные годы Залеман проявлял лингвистические наклонности; он изучал наряду с преподававшимися в школе латынью и древнегре-

<sup>1</sup> Биобиблиографические сведения о К. Г. Залемане имеются в следующих изданиях: «Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук», ч. І, Пг., 1915, стр. 293—298; «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за 1868—1894 гг.», т. І, СПб., 1896. Некрологи, написанные С. Ф. Ольденбургом («Известия ИАН», 1917, стр. 281—286) и В. В. Бартольдом (ЗВОРАО, т. 24, 1917, стр. 237—258), по существу являются обстоятельными очерками жизненного и творческого пути Залемана. Для данного очеока мною был использован архив Залемана (Архив Академии наук СССР, фонд 87; архивный фонд Залемана разобран С. А. Шахматовой-Каплан, и ею же составлена опись). Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность сотрудникам Архива АН СССР, особенно М. В. Крутиковой. за солействие моей работе.

2 См.: M. Hilweg, Nachrichten über die Familie Salemann in Pommern und Estland und ihr verwandte Familien, Riga, 1911.

ческим языком санскрит и авестийский. Тогда же он выработал своеобразную систему орфографии, близкую к гриммовской, которой придерживался во всех написанных им по-немецки работах, за исключением изданных в Германии.

В 1867 г. Залеман поступил на арабско-персидско-турецкотатарский разряд факультета восточных языков Петербургского университета, где постановка преподавания востоковедных дисциплин в те годы оставляла желать лучшего. Деканом факультета и профессором кафедры персидской словесности был А. К. Казем-бек, выдвигавший на первый план задачи чисто практического усвоения языка и не придававший большого энанаучно-филологической подготовке <sup>3</sup>. Многие важные для восточного факультета предметы не читались. Так, утверждения нового устава в августе 1884 г. курс истории народов Востока возлагался на одного профессора, а так как такого универсального специалиста найти, разумеется, было невозможно, то курс фактически не читался 4. Преподавание восточных языков велось преимущественно лицами восточного происхождения, обладавшими практическим знанием языка, но не имевшими филологической подготовки и подчас весьма слабо знавшими русский язык. Когда Залеман был студентом, лектором персидского языка был Мирза Шафи, прекрасный знаток языка и новоперсидской литературы, однако не имевший соответствующей научной подготовки <sup>5</sup>.

Залеман был слушателем и санскритско-персидского разряда, на котором в то время читал лекции проф. К. А. Коссович. В 1870 г. в число предметов этого разряда был включен древнеармянский язык, и Залеман стал заниматься у проф. К. П. Патканова. В тот же период у него завязались дружественные отношения с иранистом П. И. Лерхом, работавшим библиотекарем в университете. Под непосредственным руководством Лерха Залеман начал заниматься иранской диалектологией, той областью, в которой русская иранистика XIX в. занимала ведущее положение. Из иранских языков Залемана в это время особенно интересовал осетинский 6.

<sup>&</sup>lt;sup>3</sup> См.: В.В. Бартольд, Обзор деятельности факультета Восточных языков. 1855—1905 («Материалы для истории факультета Восточных языков», т. IV, СПб., 1909, стр. 148—149).

<sup>4</sup> Структура факультета и постановка преподавания подробно освещены в упомянутой книге Бартольда.

ты в упомянутой книге варгольда.

5 Залеман в студенческих письмах к В. Р. Розену сообщает немале курьезов из педагогической практики Мирзы Шафи, который, например, утверждал, что «пехлеви — это курдский язык» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 172).

Среди бумаг Залемана того периода имеются словарные материалы
 (в 12 тетрадях, на 1034 листах) по тагаурскому (правильнее, восточно-

Когда весной 1871 г. Залеман окончил университет по двум разрядам, арабско-персидско-турецко-татарскому и санскритскоперсидскому, им было подано прошение о назначении ему кандидатской стипендии. В качестве кандидатской диссертации Залеман представил работу «О составе Флексии глаголов осетинского языка» 7, получившую похвальные отзывы Патканова и Коссовича. Переработанная первая ее часть была опубликована в 1874 г. <sup>8</sup> и получила высокую оценку Г. Хюбшмана, настаивавшего на издании и второй части, что так и не было осуществлено 9. Хотя Залеман в дальнейшем отошел от осетинских штудий, интерес к этому языку у него не исчезал 10, а приобретенное в молодости основательное знакомство с осетинским оказалось весьма полезным при работе над восточно-иранскими языками, в частности ягнобским, и, по открытии турфанских текстов — согдийским.

Весной 1873 г. Залеман сдал магистерский экзамен, а 15 апреля 1875 г. защитил магистерскую диссертацию. Хотя его магистерская работа «Четверостишия Хакани» 11 и была посвящена творчеству одного поэта, диссертант во вступительном слове 12 при защите подчеркивал необходимость изучения «развития литературы и господствующих в ней идей в противовес распространенному увлечению отдельными, отрывочно-выбираемыми авторами» 13. Залеман отметил важность изучения персидской поэзии с точки зрения языка, «так как в ней меньше

осетинскому) диалекту (см. «Glossarium Tagauricum», 1870 — Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 231), использование которого было одним из основных достоинств его кандидатской диссертации об осетинском глаголе. Там же (ф. 87, оп. 1, № 232) находится рукопись «Verzeichnis ossetischer Verba mit ihren Präfixen nach den Präsensstammaustauten geordnet von С. Salemann» (75 стр.), датированная осенью 1870 г., и ряд других материалов.

<sup>&</sup>lt;sup>7</sup> Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 233. <sup>8</sup> C. Salemann, Versuch über die Conjugation im Ossetischen (BVSf, Bd. VIII, Abt. I, 1874, S. 48—80).

<sup>9</sup> См. письмо Хюбшмана из Страсбурга от 23 декабря 1879 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 130).

<sup>10</sup> Ср. его рецензию на книгу Вс. Миллера «Осетинские этюды», (т. I—II, М., 1881—1882), напечатанную в LOPh (I, 1883, S. 138—146). и образец текста на юго-осетинском диалекте с приложением перевода на немецкий язык, опубликованный в статье «Das Asiatische Museum im Jahre 1890» («Mél asiat.», vol. X, 1, 1891, p. 283—286).

<sup>11 «</sup>Четверостишия Хакани. Издал и перевел К. Залеман. Диссертация на степень магистра персидской словесности, представленная факультету Восточных языков», СПб., 1875.

12 Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 111.

13 Там же, стр. 7—8. — Во «Вступительном слове» (стр. 9—10) на-

шла выражение также нетерпимость Залемана к модернизации и антийсторизму, начинавшим входить в моду в XIX в. Он высказывается против «отыскивания в древности или в новейшей литературе шатких параллелей».

<sup>6</sup> Заказ 1441

чем в других видах словесности сказалось влияние культуры и языка и больше сохранилось чисто иранского, обстоятельство, признанное самими персами: авторы ферхенгов редко приводят цитаты из прозаиков и для раскрытия значения слова ссылаются большей частью на стихи известных поэтов». Одной из основных задач иранской филологии Залеман считал, «издание главнейших писателей, комментариев, вместе с подробным указанием слов и т. п.». Именно поэтому он взялся за издание четверостиший Хакани по трем рукописям «Дивана», хранившимся в петербургских библиотеках. С четвертой рукописью, из собрания графа Симонича, Залеман ознакомился слишком поздно, уже после напечатания диссертации 14. Литографированное критическое издание «Четверостиший Хакани» по этим трем рукописям вместе с указателем слов и отрывками из тазкирэ с биографическими сведениями о Хакани было приложено Залеманом к диссертации, куда вошел также построчный перевод «Четверостиший» на русский язык.

После успешной защиты диссертации в августе 1875 г. Залеман, по совету Лерха 15, поступил помощником библиотекаря в университет, а через четыре года стал библиотекарем.

Осенью того же года Залеман прочел в университете три пробные лекции, а с января 1876 г. на санскритско-персидском разряде вел два курса (по Авесте и пехлеви), которые им читались до конца жизни 16. За долгий период своей преподавательской деятельности Залеман подготовил целую плеяду иранистов. Его учениками были: Ф. А. Розенберг, А. А. Ромаскевич, Л. Ф. Богданов, М. С. Андреев, В. А. Иванов, И. И. Зарубин, А. А. Фрейман и др.

Уже в первой лекции «О причинах разнообразия в чтении и транскрипции пехлевийской азбуки» <sup>17</sup>, им были высказаны мнения о среднеперсидском языке, получившие развитие в последующих его работах. В частности, отметив неправильность употребления терминов «зенд», «пехлеви», «узваришн», «пазенд» для обозначения языков, Залеман подчеркивал идеографическое значение семитического элемента пехлевийских текстов, которые должны читаться целиком по-ирански. К числу достоинств этой лекции следует отнести также обстоятельную критику работ М. Хаута, Э. Веста и их последователей.

<sup>14</sup> Там же, стр. 8.
15 См. письмо Лерха из Петербурга в Ревель от 8 августа 1875 г.
(Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 223).

<sup>16</sup> См.: «Обзор преподавания по факультету Восточных явыков с 1900—1917 г.», Пг., 1917. 17 Архив АН СССР, ф. 87, од. 1, № 16.

В августе 1876 г. в Петербурге состоялся III международный конгресс ориенталистов, на котором Залеман выступил с докладом о парсийской рукописи Публичной библиотеки (из собрания Долгорукого). В расширенном виде доклад был издан в «Трудах» конгресса 18. Приобретенная князем Долгоруким в бытность его послом в Тегеране зороастрийская рукопись содержит тексты различного характера, в том числе два пехлевийских глоссария. Первый из них представляет вариант «Пехлеви-пазендского словаря», изданного в 1870 г. X. Дж. Асой под редакцией и с введением М. Хауга 19. По определению Залемана 20, польза публикации данного варианта фраханга состоит в том, что, во-первых, в ряде случаев дает лучшее толкование слов; во-вторых, в нем содержатся слова и формы, отсутствующие в изданном фраханге; и, в-третьих, представляет точную публикацию глоссария, с указанием строк и порядка, с добавлением на полях важнейших расхождений или вариаций изданного фраханга.

Второй глоссарий не менее интересен. Слова в нем расположены в алфавитном порядке, тогда как в первом они сгруппированы по понятиям и частям речи 21.

Из других текстов этой рукописи можно указать еще Ормазд яшт. На стр. 30-50 своей публикации Залеман дал авестийский текст рукописи Долгорукого, транскрипцию, пехлевийский перевод этого яшта по неизданной еще бомбейской литографии вместе с пазендской парафразой его, имеющейся в данной рукописи. В главе, посвященной палеографическому анализу 22, Залеман решительно высказывается за происхождение авестийского письма из книжного пехлеви, показывая на примерах, что ряд авестийских букв восходит к пехлевийским лигатурам, другие же представляют графические вариации пехлевийских знаков. Он выступает против принятой в то время точки зоения Леви 23, считавшего, что книжное пехлеви и аве-

<sup>18</sup> C. Salemann, Über eine Parsenhandschrift der K. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg («Travaux de 3e session du Congrès international des orientalistes», vol II, Leiden, 1878, p. 3—101 (далее — C. Salemann, Parsenhandschrift...).

19 H. J. Asa, M. Haug, An old Pahlavi — Pazand glossary, Bombay —

London, 1870.

London, 1870.

20 C. Salemann, Parsenhandschrift..., S. 66.

21 О подобном расположении слов в пехлевийских фрахангах см.:
E. Ebeling, Das aramāisch-mittelpersische Glossar Frahang-i pahlavīk im
Lichte der assyriologischen Forschung (MAOG, Bd. XIV, 1, 1941).

22 C. Salemann, Parsenhandschrift..., p. 13—29.

23 M. A. Levy, Beiträge zur aramāischen Münzkunde Erans und zur
Kunde der älteren Pehlewi — Schrift (ZDMG, Bd. XXI, 1867, S. 421—465).

стийское письмо произошли независимо одно ст другого из сасанидского эпиграфического письма. Точка зрения Залемана на происхождение авестийского письма из курсивного пехлеви VI в. в последнее время признается более близкой к истине и всецело принимается Бэйли и Хеннингом <sup>24</sup>. Не потерял своего значения в наши дни и вывод Залемана о создании авестийского письма и дошедшей до нас зороастрийской литературы в Юго-Западном Иране, в Йезде <sup>25</sup>.

«Parsenhandschrift» положила научной известности Залемана. Э. Захау в письме к нему высказывал пожелание, , чтобы все парсийские рукописи Европы были изданы с такой же основательностью.

🚃 В. Гейгер, ознакомившись с работой Залемана, написал ему о своем полном согласии с высказанными в ней интересными положениями. Восторженно встретили ее Т. Нельдеке и Г. Хюбшман <sup>26</sup>.

В 1876—1878 гг. Залеман участвовал в составлении библиографического приложения «Wissenschaftliche Jahresbericht über die morgenländischen Studien», издававшегося Куном и Социном <sup>27</sup>, печатал мелкие заметки в «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft» 28 и написал «Очерки истории древнеперсидской или иранской литературы» для «Всеобщей истории литературы» под редакцией В. Ф. Корша 29, в которые вошли также приводимые для иллюстрации переводы отрывков из Авесты и «Арта-Вираф-намак».

<sup>29</sup> В. Ф. Корш, Всеобщая история литературы, т. I, 1, СПб., 1880,

стр. 157—190.

<sup>24</sup> H. W. Bailey, Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books, Oxford, 1943, p. 191; W. B. Henning, Mitteliranisch («Handbuch der Orien-

talistik», Bd. IV. 1, Leiden—Köln, 1958, S. 52).

25 W. B. Henning, Two Manichean Magical Texts with an Excursus on the Parthion Ending-endeh (BSOAS, 1947, p. 39—66).—Противоположную точку зрения (о северном происхождении, Рей, Хорасан) см.: Н. S. Nyberg, Contribution à l'histoire de la flexion verbale en iranien («Le Monde oriental», XXXI, 1937, p. 83).

<sup>26</sup> Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94, 130, 155.

<sup>&</sup>lt;sup>27</sup> Ему принадлежат разделы: «Central-Asien — Iran, Armenien und Kaukasusländer».

<sup>28</sup> C. Salemann, Briefliches über eine Schale mit Pehlewi—Inschrift (ZDMG, Bd XXXI, 1877, S. 541—542); C. Salemann, Über eine pehlevischarabische Münze (ZDMG, Bd. XXX, 1876, S. 511). О второй статье Т. Нельдеке в своем письме от 2 (14) марта 1886 г., адресованном Историкофилологическому отделению Академии наук, отзывается следующим образом: «Eine Kleinigkeit wie die in ZDMG, XXX, 511, ist mehr wert als ganze Abhandlungen anderer Gelehrten». Приводится в «Представлении К. Г. Залемана в адъюнкты Имп. Академии наук» («Протоколы Историко-филологического отделения», 1 апреля 1886 г.).

Вторая работа Залемана по среднеперсидскому «Mittelpersische Studien, I» вышла в 1887 г. Непосредственным поводом для ее написания послужил выход в свет в 1885 г. «Пехлевийских текстов» редакцией под дастура Санджаны 30. Эта небольшая по объему работа Залемана весьма значительна по содержанию, поскольку в ней впервые ставится вопоос научной транскрипции среднеперсидских текстов.

Уже сразу после того, как стало известно сообщение Ибн-Мукаффы об «узваришне», сохранившееся в «Фихристе» Ибнан-Надима, некоторые иранисты (Вестергорд. Ольскаузен. Нельдеке, Дарместетер) пришли к мысли, что пехлевийские тексты написаны на языке чисто иранском, а неиранский, семитический компонент их следует признать за идеограммы. Однако в области транскрипции пехлевийских текстов продолжала царить полная неразбериха. Старые, созданные парсийской традицией системы фонетической транскрипции «пазенд» и «парси» давно уже были оставлены самими парсами, к тому же они были весьма несовершенны, в большой степени проникнуты новоперсидскими формами и т. п. Возникшее же в среде парсов новое чтение текстов и основанная на нем транскрипция Хауга и Веста были уже и вовсе плохи: арамейские идеограммы не раскрывались, а читались и транскрибировались совершенно произвольно, причем многозначность пехлевийского письма открывала для такого произвола весьма широкие возможности, часто даже иранский элемент текста принимался за гетерограмму и транскрибировался самым фантастическим образом. Передача соеднеперсидских слов и в тех случаях, когда они читались по-ирански, оставляла желать много лучшего. Нечего говорить уже о том, что транскрипция Хауга и Веста создавала совершенно искаженное представление о языке памятников пехлевийской письменности, поскольку семитический элемент, поданный к тому же в кривом зеркале, смешивался в нем с иранским без какой-либо органической связи и картина цельного языка, естественно, нарушалась.

Как уже отмечалось, необходимость создания научной транскрипции ощущалась многими виднейшими специалистами по иранской филологии, но до Залемана никто не решался выступить в роли реформатора. Показательно, что ученые, не же-

<sup>30</sup> P. Sanjana, Pahlavi Texts. Ganjeshayagan, Andarze Atrepat Maraspandan. Madigane Chatrang and Andarze Khusroe Kavatan. The original Pahlavi text; the same transliterated in Zend character and translated into the Gujarati and English languages; a commentary and glossary of select words. Bombay, 1885.

лавшие пользоваться системой Хауга — Веста, ограничивались переводами пехлевийского текста на европейский язык, затрудняясь дать свою транскрипцию (например, Нельдеке издал свой известный перевод сасанидского романа «Kārnāmak i Ārtāxšēr i Pāpakān», не прилагая среднеперсидского текста).

В качестве непременного условия научной транскрипции Залеман выдвинул раскрытие идеограмм иранскими эквивалентами. Фонетическая транскрипция должна отражать наличие двух основных ступеней в развитии среднеперсидской фонетики — «аршакидской» и «сасанидской», с характерными для последней звуковыми переходами (озвончением глухих вэрывных). Слова, зафиксированные в пехлевийской письменности в

историческом написании, как, например, 1400 или 1106

Залеман предлагал передавать в произношении, соответствующем тому времени — Šahr, Міhr и т. д. Наряду с изложением общих принципов научной транскрипции, Залеман предложил систему транскрипционных знаков и их соответствий в звуковом составе среднеперсидского языка. В качестве приложения он дал транскрипцию и перевод (с комментарием) двух пехлевийских памятников: «Mātikān i čatrang» и «Andarz i Anōšakruvān Xusrav i Kavātān». Реконструируемая Залеманом фонетическая транскрипция среднеперсидских текстов фиксирует сасанидский период развития среднеперсидского языка. Выдвинутые им общие принципы сохраняют свое значение и по сей день.

Вслед за «Mittelpersische Studien, I» должны были последовать упомянутые уже в первой статье «Mittelpersische Studien, II»,

которые так и не были закончены <sup>31</sup>.

«Mittelpersische Studien, I» были благожелательно встречены почти всеми иранистами (кроме Веста) 32 и утвердили за Залеманом славу лучшего знатока пехлеви. Когда возникла идея создания «Grundriss der iranischen Philologie», то именно ему было предложено написать очерк грамматики среднеперсидского языка. Очерк этот, «Mittelpersisch», представленный с большим опозданием (задержав выпуск первого тома «Grundriss» а на

32 См.: Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 67 (письмо Веста), 95, 130,

281 и др.

<sup>31</sup> В архиве Залемана имеется стенографическая черновая запись статьи «Mittelpersische Studien, II» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 6). Статья эта была задумана в связи с выходом работы П. де Лагарда об авестийском письме [Р. de Lagarde, Bemerkungen zur Awestaschrift (GGN, 1886 № 4, S. 158—168)].

пять лет) <sup>33</sup>, явился серьезным вкладом в иранистику. По сути дела это — первое научное, систематическое изложение среднеперсидской грамматики, которой пользуются и сейчас, хотя она и составлена без учета турфанского материала 34, появившегося позднее. Сам Залеман старался всегда вносить исправления и дополнения в свою работу, когда ему удавалось установить или узнать какие-то новые факты. Примером такого отношения может послужить поправка к одному из параграфов его очерка в «Grundriss» е, сделанная еще до выхода тома в свет, так как Залеман, работавший в то время над еврейско-персидскими текстами («Иезекииль»), нашел там формы, проливающие свет на среднеперсидский пассив <sup>35</sup>.

Участие Залемана в «Grundriss»'е не ограничилось написанием очерка «Mittelpersisch». Отказавшись от предложения В. Гейгера дать для «Grundriss» а краткий очерк о памирских диалектах, Залеман охотно предоставил в его распоряжение не только необходимые издания, но и свои рукописные материалы по шугнанскому и ягнобскому языкам. Известную помощь оказал Залеман и в выработке системы транскрипции в «Grundriss» e 36.

Залеман, совместно с В. А. Жуковским, принял также участие в серии «Porta linguarum orientalium», для которой ими была составлена «Персидская грамматика» <sup>37</sup>.

<sup>&</sup>lt;sup>33</sup> Очерк «Mittelpersisch» был сдан Залеманом только в 1901 г., — тогда как все остальные части тома были отпечатаны уже в 1896 г. [«Gr. d. ir. Phil.», I, S. 247; см. также обширную пятилетнюю переписку с Залеманом В. Гейгера (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94)]. — В архиве Залемана хранится сделанный в 1903 г. его учеником Л. Богдановым полный перевод «Mittelpersisch» на русский язык (там же, ф. 87, on. 1, № 25).

<sup>&</sup>lt;sup>34</sup> Обобщающая работа по турфанскому среднеперсидскому глаголу была издана В. Б. Хеннингом. В ней на стр 159 автор пишет: «Особенно много я почерпнул из грамматических работ Залемана, в расположении материала я систематически следую за ним». Недавно Хеннингом же был опубликован (см. прим. 24) очерк среднеиранских языков, который подродит итог всему новому в области изучения этих языков за истекшие пятьдесят лет, представляя тем самым долгожданное и необходимое до-полнение к работе Залемана (W. B. Henning, Das Verbum des Mittelpersi-schen der Turjanfragmente, ZII, Bd IX, 1933).

<sup>35</sup> C. Salemann Zum mittelpersischen Passiv («Известия ИАН», т. XIII,

<sup>1900,</sup> стр. 267—276).

<sup>36</sup> Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94.

<sup>37</sup> C. Salemann und V. Shukovski, Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar, Berlin, 1889 («Porta linguarum orienta-lium», XII). В 1947 г. «Персидская грамматика» была переиздана без каких-либо изменений. В русском издании она несколько переработана, но отсутствуют хрестоматия и глоссарий (см.: К. Г. Залеман, В. А. 1 уковский, Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики **и** библиографии, СПб., 1890).

После «Mittelpersische Studien, I» Залеман, как известно, ничего не издавал из среднеперсидских текстов на пехлевийской письменности, и может создаться впечатление, что он неликом отошел от темы, разработка которой создала ему первый большой научный успех. Однако это не совсем так. Видимо, еще со времени выхода в свет «Parsenhandschrift» Залеман мысль об опубликовании «Библиографического обзора парсийских рукописей, хранящихся в Европе» 38. С этой целью им был выписан в 1880 г. ряд рукописей копентагенского собрания в Петербург, в университетскую библиотеку. Но для создания такого труда необходимо было на месте ознакомиться с важнейшими собраниями — мюнхенским, выросшим на базе коллекции Хауга, копенгагенским (коллекции Раска и Вестергорда) и парижским (коллекция Анкетиля). Первая командировка Залемана за границу (Галле) была в 1887 г. Летом 1889 г. он совершил поездку в Копенгаген, где тщательно сличил рукописный каталог с опубликованными Вестергордом, Вестом и другими описаниями копентагенских рукописей 39, а с наиболее интересных из них сделал копии и колляции 40. Последнее делалось уже не для описания, а для издания их в транскрипции и переводе, подобно двум ранее изданным пехлевийским памятникам.

В 1895 г. такая же работа была проделана Залеманом Мюнхене. В его архиве имеется транскрипция среднеперсид-Artay-Vīrāf Nāmak, датированная ноябрем 1895 г. 41. На полях транскрипции (текст неполный, не достает одного листка) — пометки. К транскрипции приложен лист с надписью «Zum Ardai Virib Namak», с выписанными отдельными словами и комментарием к ним (сравнения с армянскими заимствованиями, с новоперсидскими формами и т. п.); тут же имеется тетрадка выписанных слов по словарю Веста. Видимо, это один из текстов, которые Залеман собирался издать в серии «Mittelpersische Studien» 42.

<sup>38 «</sup>Записки ИАН», 1899, стр. 92.

<sup>39</sup> См.: К. Г. Залеман, О результатах поездки, совершенной летом 1889 г. в Копенгаген («Записки ИАН», 1890, стр. 91—95).

40 Копенгагенские рукописи № 7, 20, 20в. 21, 24, 29, 35, 41 и 43.

41 Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 41.

42 Среди текстов, скопированных Залеманом по копенгагенским рукопи-

сям, назван, например, «Zāt-spram», очевидно также намечавшийся к изданию. Залеман обработал текст этого сочинения, имеющийся в рукописи Азиатского музея, о чем свидетельствуют многочисленные словарные ссылки на петербургский текст в форме Zsp, III (рукопись Азиатского музея содержит третью часть) в подготовлявшемся им «Пехлевийском словаре». В этом же словаре в списке принятых сокращений ссылок под обозначе-

Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе» не был издан, но Залеман к нему вернулся после некоторого перерыва. В его архиве хранится рукопись, датирозанная 17:0 марта 1908 г. под названием «Catalogus librorum et tractatuum Pehlevicorum» <sup>43</sup>. В ней насчитывается 150 наименований гехлевийских сочинений с указанием их изданий, а также номеров их рукописных списков в различных библиотеках. Это уже нечто весьма близкое замыслу ученого.

В последний период своей жизни Залеман работал над составлением пехлевийского словаря, охватывающего все известные в его время тексты на пехлевийской письменности 44. Словарь остался незаконченным: большая часть отраженных в нем слов не получила даже транскрипции, не говоря о переводе. Однако все слова имеют указания на контексты с точной ссылкой на них, а также указания на исследования, в которых эти слова рассматривались; имеется немало слов, снабженных подробным комментарием и этимологиями. Переводы слов часто даются по-английски, очевидно в тех случаях, когда заимствованы из английских изданий Хауга или Веста; собственный же перевод слов дается Залеманом по-немецки. По очень приблизительным подсчетам, этот словарь или, точнее, индекс охватывает около 20 тыс. слов.

В 80-х годах Залеман приступил к изучанию иранских языков Средней Азии — ягнобского и шугнанского. В 1870 г. участник Искандеркульской экспедиции А. Л. Кун 45 обследовал в долине реки Ягноб, притока Зеравшана, население, говорившее на неизвестном дотоле иранском говоре. Ему помогал участвовавший в экспедиции самаркандский таджик Мирза Абдуррахман 46, который вел по поручению Куна дневник экспе-

<sup>- 1</sup> На стр. 4 v., 6 г., 7 v., и 8 г. первого тома имеется пере-

чень сокращений, не отражающий, однако, всех, встречающихся в чексте. Рукопись датирована 1912—1913 гг.

45 См.: И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики,

М.—Л., 1950, стр. 190.

<sup>46</sup> См.: Н. Д. Миклухо-Маклай, Описание Таджикских и персидских рукописей Института востоковедения, М.—Л., 1955, № 88, 90.

диции на таджикском языке. Записи Куна и Абдуррахмана под названием «Материалы для исследования ягнаубского языка» были переданы Лерху, который сообщил об их существовании участникам III конгресса ориенталистов в 1876 г. В 1880 г. Ш. Акимбетевым были собраны новые материалы по ягнобскому языку и опубликованы в 1881 г. в «Туркестанских ведомостях».

После смерти Лерха (1884) ягнобские материалы Куна попали в распоряжение Залемана. Когда спустя год Г. А. Арандаренко и Н. И. Веселовским были сделаны новые записи, то и они были переданы ему же для обработки. Залеман уже отпечатал эти материалы под названием «Ягнобские когда в 1887 г. он получил от выпускника факультета Восточных языков Е. Ф. Каля, занимавшего тогда административную должность в Ташкенте, телеграмму с извещением о предстоящей ему в июле—августе командировке в Ягноб и предложением своих услуг для сбора дополнительных сведений. Залеман в это время находился в научной командировке в Галле, и Е. Ф. Каль не успел своевременно получить от него нужных инструкций. Только по возвращении из Ягноба ему были переданы отпечатанные листы «Ягнобских этюдов» и письмо Залемана. Несмотря на это, работа, проделанная Калем, была весьма значительна: он составил «Ягнобский словарь», выяснил некоторые вопросы фонетики (состав согласных, ударение), собрал топографических и статистических сведений, «служащих отчасти к дополнению и исправлению, отчасти к подтверждению известий прежних источников» 47.

Все свои записи Каль в мае 1888 г. послал Залеману. В результате выход в свет «Ягнобских этюдов» был задержан, так как предстояло к отпечатанным уже материалам Куна, Акимбетева, Арандаренко и Веселовского присоединить записи Каля. Кроме того, многое нуждалось в уточнении и в исправлении <sup>48</sup>. Залеман ждал случая поездки в Ягноб, чтобы на месте сличить все данные, особенно фонетические, полученные от Каля. Такая возможность представилась Залеману в 1897 г., когда Русское географическое общество предложило ему принять участие в экспедиции в верховья Аму-Дарьи. В мае Залеман выехал из Петербурга в Самарканд, оттуда через город Ош он должен был проехать верхом по Памирской военной до-

<sup>47</sup> См.: К. Г. Залеман, Новые материалы по ягнобскому языку (ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 128—129).

<sup>48</sup> В то время ни Залеману, ни собирателям этих материалов не было известно, что их информаторы говорили на разных говорах ягнобского языка.

роге в Рошан и Шугнан, где намеревался собрать шугнанские языковые материалы. Но поездка на Памир сорвалась из-за несчастного случая. Залеман сломал ногу и около месяца пролежал в Маргелане, Однако ему удалось и в Маргелане найти шугнанца и сделать кое-какие словарные записи и наблюдения 49. По приезде в Ош Залеман около месяца работал с несколькими шугнанцами, со слов которых записал значительное количество текстов 50. Он определил звуковой состав языка (обнаружил неизвестный прежним исследователям звук), собрал очень важные материалы для грамматики (например, формы женского рода у отдельных имен) и словаря <sup>51</sup>. В Оше же около десяти дней Залеман работал с ягнобцем по имени Шах Махмат и от него впервые узнал о наличии двух ягнобских говоров 52. Ученый побывал также в Бухаре и возвратился в Петербург через Баку, Тифлис и Владикавказ. За время поездки по Средней Азии им было приобретено немало рукописей для Азиатского музея.

Однако «Ягнобские этюды» в свет все же не вышли. Видимо, требовательный к себе ученый не хотел их выпускать, не переработав основательно  $^{53}$ . Начавшаяся же в начале XX в. публикация турфанской согдики выдвинула множество новых вопросов и фактов, которые должны были учитываться при

издании ягнобского материала.

Собранный в «Ягнобских этюдах» ценный материал Залеман охотно предоставлял в распоряжение каждого, кто в нем

Ф. 07, оп. 1, 122 217.

50 «Записи на ягнобском, шугнанском и таджикском языках, произведенные летом 1897 г. в Самарканде и Оше» (5 тетрадей, 202 листа—

Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 213).

51 См.: К. Г. Залеман, Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897 г. («Известия ИАН», т. VIII, 1898, стр. VI—VIII). Ср. также письмо Залемана к А. А. Кунику из Оща от 13 августа 1897 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 2, № 356).

<sup>&</sup>lt;sup>49</sup> Словарные шугнанские материалы, записанные Залеманом в Маргелане в пяти тетрадях — «Vocabula», I—V, 309 листов (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 214).

<sup>52 «</sup>Известия ИАН», т. VIII, 1898, стр. VIII.
53 В последней редакции «Ягнобские этюды» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 208, корректурные листы, 160 стр.) имеют следующую структуру: глава І — «Сведения о ягнаубском народе» А. Л. Куна (1870) и Ш. Акимбетева (1880); глава ІІ — «Материалы для исследования ягнобского языка, собранные А. Л. Куном»; глава ІІІ — «Материалы, собранные Уйфальви, Ш. Акимбетевым, Г. А. Арандаренко и Н. И. Веселовским»; глава ІV — «Материалы, собранные Е. Ф. Калем в 1887 г.»; глава V — «Словарь ягнобско-таджикско-русско-немецкий». Словарь в корректурных листах не окончен, доведен до буквы «к» включительно; ср. также «Ягнобские словарные материалы» (112 листов — Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 217).

нуждался. Так, в 1898 г. он передал В. Гейгеру, писавшему в то время очерки по новым иранским диалектам для «Grundriss» а, корректурные листы «Ягнобских этюдов», а также ягнобские глагольные парадигмы, шугнанские материалы, ягнобский текст сказки «О Плохом и Хорошем» и др. 54. Он сообшил также В. Гейгеру о своем наблюдении связи между ягнобским и осетинским, объединяя их тем самым в одну подгруппу внутри восточноиранских языков, что в ту пору было шагом вперед после сопоставления ягнобского языка с памирскими (В. Томашек) <sup>55</sup>.

Потребность в материале «Ягнобских этюдов» стала остро ощущаться после открытия согдийских документов: для исследования согдийского языка ягнобские (новосогдийские) параллели были очень важны.

В 1907 г. Залеман послал рукопись «Ягнобских этюдов» в Геттинген Ф. Андреасу <sup>56</sup>, а в 1912 г. в Париж — Р. Готьо <sup>57</sup>, рафотавшему тогда над своим «Очерком согдийской грамма» тики».

Шугнанским языком Залеман начал заниматься еще задолго до экспедиции 1897 г. В области изучения этого памирского диалекта он был почти пионером: единственными шугнанскими материалами, известными тогда, были записи английского офицера Р. Шоу. В ноябре 1890 г. Русское географическое общество передало Залеману записи шугнанских слов, сделанные Д. Л. Ивановым во время Памирской экспедиции 1883 г. Записи Иванова были сырым полевым материалом, собранным не специалистом и записанным ненаучной транскрипцией. Залеман взялся за их обработку: он изменил порядок слов, испольвуя примененный уже В. А. Жуковским метод расположения диалектных слов в виде алфавитного словаря с персидского, снабдил параллелями из Р. Шоу, Дж. Хейварда и В. Томашека, исправил транскрипцию и составил краткий очерк грамматики шугнанского языка. В 1895 г. «Словарь» был издан 58.

<sup>54</sup> См. «Gr. d. ir. Phil.», ч. I, 2, S 289, а также письмо Гейгера к Залеману из Эрлангена от 12 мая 1898 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94). Материалы Залемана находились в руках Гейгера в течение трех месяцев.

<sup>55</sup> Близко к этому подошел уже Лерх, упоминавший (в беседе с Ку-Вливов к этому подошел уже лерх, упоминавший (в беседе с Куном) ягнобский язык в одном ряду с хорезмийским и согдийским (см.: К. Г. Залеман, Ягнобские этюды).

56 Письмо Ф. В. К. Андреаса от 12 января 1907 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 9).

<sup>57</sup> Письмо Р. Готьо от 23 апреля и 17 мая 1912 г. (там же, № 115). 58 К. Г. Залеман, Шугнанский словарь Д. Л. Иванова («Восточные ваметки», СПб., 1895, стр. 269—320).

В первую свою командировку в Среднюю Азию Залеман собрал богатый шугнанский материал, — текстовой и словарный, — а также уточнил на месте звуковой состав языка. Собранный материал не был им опубликован и хранится в архиве; также остались неопубликованными записи ягнобских и шугнанских текстов и слов, произведенные летом 1908 г. в Оше и Самарканде 59, во время второй командировки в Среднюю Азию, когда им были проверены также записи шугнанских слов, сделанные в 1897 г. 60.

Одними из наиболее важных работ Залеман по иранским диалектам являются его издания еврейско-персидских текстов.

В самом начале 80-х годов XIX в. стал проявляться известный интерес к еврейско-персидским переводам библейских текстов. В своей рецензии 61 на книгу П. де Лагарда «Persische Studien», во второй части которой автор приводит еврейско-персидские переводы Иеремии, Исайи и Иезекииля, Залеман подчеркнул важность для иранской филологии издания и изучения еврейско-персидских текстов, так как персидский язык их сохранил ряд архаических форм, которых уже не было в кивой речи персов-современников этих памятников. В этой рецензии Залеман указывал на богатый материал русских собраний. Но первый труд Залемана по изданию еврейско-персидских текстов из русских собраний появился в печати только в 1897 г. 62, хотя работа над ним была начата осенью 1884 г. 63.

Первым выпуском задуманной серии «Judaeo-Persica» явилось упомянутое уже издание поэмы «Худайдат», составленной на еврейско-бухарской разновидности персидского языка,

<sup>59</sup> Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 216.

<sup>60</sup> Там же, № 220. 61 LOPh, Bd II, 1884, S. 76—86.

<sup>62</sup> С. Salemann, Judaeo-Persica nach St. Petersburger Handschriften. J. Chudaidat. Ein judisch-bucharisches Gedicht («Записки ИАН». т. 42, 1897, № 14). — Поэма начала печататься уже в 1894 г. по прочтении на заседании Отделения 19 января 1894 г. Выход работы в свет был задержан, так как среди материалов Куна была обнаружена рукопись со стихами еврейско-бухарского поэта Ибрагима, сына Абулхейра, являвшегося, очевидно, также автором «Худайдата» (там же).

<sup>63</sup> В архиве Залемана имеется тетрадь (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 182, 37 стр.), озаглавленная «Glossarium Judaeo-Persicum. Petropoli,

<sup>1885».</sup> Словарь (неполный, от 🕻 до 2 составлен главным

образом по переводам книг пророков. Видимо к этому же периоду относятся сделанные им копии (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 2, № 189) еврейско-персидских текстов (из собрания Фирковича) Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, за № 4607—4611. содержащих комментарии к книгам пророков.

более близкой, по мнению Залемана. не к персидскому, а к таджикскому языку. Издание выполнено с присущей Залеману тщательностью (наряду с квадратным еврейским письмом оригинала дается его подстрочная персидская транскрипция, немецкий перевод поэмы с приложением комментария, анализа метрики, указателя слов и т. п.) и получило высокую оценку <sup>64</sup>. В одном из примечаний Залеман дал свою расшифровку одного из древнейших еврейско-персидских намятников, дарственной грамоты IX в. со свидетельскими подписями — неудовлетворительно прочитанного Вестом <sup>65</sup>.

Вторым выпуском этой серии должно было послужить издание стихотворений Ибрагима-бен-Абулхейра по Азиатского музея из собрания Куна 66. В архиве Залемана имеется копия текста стихов; к ней приложены одиннадцать страниц немецкого перевода первого стиха («Zur Gottes»), который был переведен, однако, только до 92-го полустишия  $^{67}$ .

В третий выпуск «Judaeo-Persica» должны были войти отрывки бытоописательных бухарско-еврейских текстов по фрагментам из собрания Куна, хранившимся в Азиатском музее 68, но работа над ним не была завершена.

67 На первых страницах копии текста имеются пометки, сделанные для наборщиков, — как видно, рукопись готовилась к сдаче в типографию

<sup>&</sup>lt;sup>64</sup> См. рецензию Т. Нельдеке (ZDMG, Bd LI, 1897, S. 548—553). <sup>65</sup> JRAS, vol. IV, 1870, p. 390.

<sup>66</sup> Описание этой рукописи см. «Judaeo-Persica I» («Записки ИАН», 1897, стр. IV—V).

<sup>(</sup>Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 184).

68 См.: С. Salemann, Judaeo-Persica, I, S. V. — Материалы этого выпуска (Архив АН СССР, ф. 87, оц. 1. № 185) включают: 1) четыре странички (по-немецки) карандашом (запись частично стенографическая) чернового наброска начала «Введения», или общего очерка с описанием публикуемых рукописных отрывков (содержит только начало описания этих фрагментов); 2) текст A (Herkunft). Копия текста (27 строк подлинника) с приложением перевода на немецкий язык (в ряде мест перевода имеются пропуски) этого текста о происхождении евреев в Бухаре; 3) текст В (Gedenkfest); копия текста (16 строк подлинника), опиный немецкий перевод сохранившегося отрывка; 4) текст С (Geburt); копия текста (67 строк recto + 37 строк verso подлинника), описывающего роды и рождение ребенка и связанные с этим обряды, и recto); **5)** текст перевод на немецкий язык (неполный — до 28-й строки Перевод на немецкий язык (неполный — до 20-и строки (31 строка подлинника), без перевода; 6) текст Е (Verlobung und Hochzeit); копия текста (строк в подлиннике гесто — 69; verso — 77), без перевода; 7) текст (Hochzeit); копия текста (строк в подлиннике: гесто, правая половина — 34 строки, левая — 32; verso 19 строк), без перевода; 8) текст G(Tod); копия текста (строк в подлиннике: гесто — 42, verso — 35). с описанием смерти и похоронных обрядов. Имеется начало перевода (1 строка).

Возможно, что для включения в эту же серию предназначался хранящийся в архиве карандашный набросок статьи 69, написанный по поводу публикации Д. Марголиусом 70 документа Bibl. Bodleianae Ms. Hebr. b. 12, fol. 24.

В 1901 г. было сверстано монументальное издание Залеманом «Малых пророков» по еврейско-персидским рукописям из собрания Фирковича за № 139, 140, 141, 142. Однако по неизвестным причинам оно не вышло в свет 71. Та же участь постигла и публикацию рукописи № 1672 собрания Фирковича, содержащей комментарий на книгу Иезекииля 72. Эта работа печаталась в 1901—1903 гг. под наблюдением В. Р. Розена.

Уже в упоминавшейся реценэии на «Persische Studien» Лагарда проглядывает интерес Залемана к иранской лексикографии. Перечень всех известных в то время западным исследователям средневековых толковых словарей языка фарси указанием на изданные каталоги, представленный в первой части книги де Лагарда, был дополнен и частично исправлен Залеманом на основании рукописных лексикографических фондов русских собраний. Тогда же у него возникла мысль подготовить обзор рукописей лексикографического содержания, имеющихся в России, тем более что многие из них не вошли в описания, изданные Б. Дорном. Просматривая все лексикографические рукописи, Залеман обнаружил среди них одну (под

<sup>69</sup> C. Salemann, Ein j[udisch] — p[ersisches]fetwâ (Архив АН СССР. ф. 87, оп. 1, № 187). К наброску статьи приложены текст документа в чтении Марголиуса и текст документа в чтении Залемана. В статье (стр. 5—6 наброска) приводится перевод. Даты на рукописи нет, но, вероятно, она была написана в 1899 г. или в начале 1900 г.

70 D. S. Margoliouth, A Jewish-Persian law report («Jewish Quart Rev.»,

vol. IX, 1899, p. 671—675).

Vol. 1X, 1899, р. 071—073).

71 «Judaeo — Persica. Aus Firkowicz's Sammlung, mitgeteilt von C. Salemann, I. Die kleinen Propheten»,— 198 листов (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 190). Материалы к примечаниям — 48 листов (там же, № 191). Корректурные листы издания см. там же, № 192.

72 «Ezechiel, I—XLIX». Чистые листы издания — 296 стр. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 193). На стр. 289 в конце текста

Иезекниля имеется приписка рукою Залемана: «Die Schlußcollation beendet. 22/I-4/II». Следовательно, вся авторская часть работы была сделана.

При подготовке этих изданий Залеман консультировался со своими коллегами-гебраистами, особенно с П. К. Коковцовым, по поводу правильности чтения того или иного сомнительного места. Так, в письме к Залеману от 15 октября 1903 г. (ф. 87, оп. 3, № 183) Коковцов подтверждает правильность чтения одного выражения (Ezech., 39, 2), хотя и не является переводом с еврейского оригинала, но точно передает Таргум. Коковцов считает необходимым иметь в виду, что переводчик Иезекииля, подобно Соломону-бен-Самуилу из Ургенча (автору еврейскоперсидского словаря, изданного Бахером), в понимании библейского текста следовал, по-видимому, прежде всего Таргумам.

№ 477-аа коллекции Азиатского музея), представлявшую довольно поздний список, которая никем не была идентифицирована. Дори, некогда ее просматривавший, не смог определить ее и обозначил как «старый персидский словарь». Более тщательное изучение ее и особенно наличие в ней нескольких стихов, принадлежавших Шемс-и Фахри (поскольку их цитировали поздние лексикографы), позволили Залеману установить, что рукопись является четвертой частью считавшегося пор утерянным труда Шемс-и Фахри (XIV в.) под нием, معیار حمالی — своеобразной энциклопедии поэтики и рито-

рики.

В 1884—1885 гг. Залеман переписал эту рукопись и сличил ее с имевшимися в Петербурге рукописями более поздних лексикографов, у которых приводятся цитаты из Mi'jar-i Jamali, взятые из других, не дошедших до нас списков этого труда Шемс-и Фахри. Подготовив, таким образом, критический текст рукописи, Залеман опубликовал его в Казани в 1887 г. <sup>73</sup>. Когла текст Mi'jar-i Jamali был уже набран, Ольденбург обнаружил в каталогах Парижской Национальной библиотеки другую рукопись Шемс-и Фахри с полным текстом 74 ферхенга (вместе с предисловием автора к Mi'jar-i Jamali.) Ольденбург сделал собственноручную копию с предисловия Шемс-и Фахри Mi'jar-i Jamali, и послал ее Залеману 75, который опубликовал ее вместе с несколькими поправками к тексту ферхенга в качестве «Приложения № 1» к своей работе, посвященной этому памятнику  $^{76}$ .

Эта работа, носящая скромное название «Сообщение об издании Mi'jar-i Jamali» является ценным исследованием и вместе с тем публикацией. В ней рассматривается место Шемс-и Фахри в персидской лексикографии и показывается, как его труд был использован более поздними лексикографами: Ха-

<sup>73</sup> C. Salemann, Shams i Fachrii Ispahanensis lexicon Persicum id est libri Mi'jâr i Gamâlî pars quarta quam ad fidem codicis Petropolitani recognitam annotatione critica adhibitis ceteriorum lexicographorum testimoniis instructam indicibus locupletissimis auctam addito ejusdem ut videtur auctoris carmine Marghûb al Qulûb inscripto auspiciis Împerialis literarum universitatis Petropolitanae, edidit.. fasc. prior, textum et indices continens, Casani, 1887

<sup>74 «</sup>Bibl. Nat., Suppl. pers.», № 457.
75 Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 155.
76 С. Salemann, Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr-i Jamâlî («Mél. asiat.», vol. IX, livr. 4, 1888, p. 417-594), Beilage I, p. 433-441.

Почти одновременно с парижской рукописью была найдена третья рукопись этого ферхенга в Королевской библиотеке в Берлине. Полную колляцию всех рукописей ферхенга вместе с поправками Залеман намеревался произвести во втором выпуске, но это не было осуществлено.

лими, Ауфи, Ниматуллой, Сурури, Инджу, Рашидом, Абдулкадиром Багдадским, Шу'ури. Залеман на основе изучения их рукописного наследства дал характеристику творческого метода каждого из этих лексикографов 17. К работе приложена таблица, на которой графически изображено взаимоотношение ряда ферхенгов между собой.

Педантичное компилирование одним из лексикографов (Сурури) своих источников дало возможность Залеману определить в рукописи № 477 Азиатского музея известный до тех пор только по названию ферхенг رساله ميرزا или نسخه ميرزا; описание этой рукописи составило «Приложение № 2» рассматриваемой

работы.

В Mi'jar-i Jamali Залеман поместил принадлежащий перу . пото- رساله مرغوب القلوب Шемс-и Фахри стихотворный трактат му что в нем упоминались имя поэта и дата. рукопись 78, которая также была выписана им, содержит еще несколько месневи Шемса. Эта рукопись получила подробное описание в «Приложении № 3» 79. Тем же Сурури часто цитируется и сочинение رساله حسين وفاي парижская рукопись Хосейна Вафа и 80 описана в «Приложения № 4» 81 и там же приведены те отрывки из нее, в которых Вафа'и цитирует какой-нибудь свой источник, вместе с параллельными местами из других лексикографов (главным образом, Сурури), основанными на том же источнике. При сравнении это дает возможность составить представление об относительно высоком уровне использования Вафа'и своих источников. Залеман высказал предположение, что в недалеком будущем будет найден полный текст Вафа'и; этой надежде суждено было осуществиться необычайно скоро: текст «Приложения» находился в стадии печатания, когда Залеман обнаружил в каталоге персидских рукопи-

<sup>77</sup> В архиве Залемана хранятся, сделанные им собственноручно копии следующих ферхенгов: «Farhang-i Jehângîrî Injû» (Архив АН СССР, ф. Следующих ферхенгов: «Гагпапg-1 Jenangiri Inju» (Архив АН СССР. ф. 87, оп. 1, № 145, 115 листов, 3/II—23/XII 1876 г.;вторая копия этого же ферхенга — там же, № 146); «Kitâb al-Sâmî fî-l ^sâm» al-Majdânî (там же, № 148, 23 листа, 24/IX—6/X 1884 г.); «Ma'ma' al-Furs» Surûrî (там же, № 149, 48 листов, 1884 г.); «Tuḥſat al-ahbâb» и «кısala-i Mirzâ» (там же, № 151, 108+13 листов; 11/VII—23/VII 1885 г.); «Surma-ji Sulajmânî» Такі Auḥadî (там же, № 153, 28 листов); «Risâla-i Vaſâ'î» по Сод. Paris. Suppl 1047 (там же, № 156, 11 листов, 1887 г.) и «Nisâr al-mulûk» Lutſullâh al-H ш по мюнхенской рукописи (Сод. Мопас. Вег. 301) застана бархичата бархичата (пах. же. № 166 личило). pers. 301), сверенной с берлинской (там же, № 166, начало).

78 Cod. Vindob. A. F. 358a.

79 C. Salemann, Bericht..., S. 444—458.

<sup>80 «</sup>Bibl. Nat., Suppl. pers.», № 1047. 81 C. Salemann, Bericht..., S. 453-505.

<sup>7</sup> Заказ 1441

сей Берлинской королевской библиотеки полный список ферхенга Вафа'и <sup>82</sup>.

Наконец, последнюю часть работы составляет хронологический указатель ферхенгов («Приложение № 5»). Подобно другим работам Залемана, издание Шемс-и Фахри и «Bericht» по-

лучили высокую оценку современников 83.

В 1892 г. Залеман копирует рукопись Азиатского музея за № a473a, содержащую «Farhang-i Ibrahîmî» Ахмеда Мунейри <sup>84</sup>, а через год приступает к подготовке издания словаря Абдулкадира Багдадского (XVII в.) к «Шах-намэ». Опубликование этого ферхенга было важно не только потому, что это единственный известный словарь подобного рода, но и потому, что в нем имеется более 1760 цитат из «Шах-намэ», многие из которых взяты из более древних списков, чем дошедшие до нас рукописи «Шах-намэ». В 1895 г. в Петербурге вышла первая часть первого тома этого издания, в которую вошел текст словаря 85 (по петербургской рукописи, - из собрания университетской библиотеки, — сличенной с венской). Вторую часть тома должен был составить комментарий Абдулкадира на персидско-турецкий словарь «Ša:h tuhfe-i Šahidî», но она не была напечатана 86. Второй том, также не изданный, предназначался под примечания и индексы <sup>87</sup>.

Таким образом, начатая работа и на этот раз не была завершена. Однако уже самое издание «Словаря» Абдулкадира является достижением. Важность его для подготовки коитического издания текста «Шах-намэ» подчеркивается в рецензии П. Хорна <sup>88</sup>.

В начале настоящего очерка говорилось о том, что Залеман был компетентным судьей во многих филологических дисциплинах (в том числе и невостоковедных), не имеющих отношения к

86 Рукопись второй части с надписью «Представлено 1 февраля 1895 г.» хранится в архиве Залемана [ф. 87, оп. 1, № 160 (1)].

88 P. Horn, Salemann's Abdul Qâdiri Bagdadensis Lexicon (ZDMG,

Bd 49, 1895, S. 722-739).

<sup>82</sup> Ibid. p. 504.

<sup>&</sup>lt;sup>83</sup> Таковы мнения Нельдеке (письмо от 27 июля 1888 г.; Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 281), А. Уилльямс-Джексона (там же, № 74), Бартольда (ЗВОРАО, т. 24, 1917, стр. 9) и др. 84 Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 157.

<sup>85</sup> C. Salemann, Abdulqâdiri Bagdadensis Lexicon Šâhnâmianum cui accedunt ejusdem auctoris in Lexicon Sâhidianum Commentariorum Turcici particula prima, Arabici excerpta, Petropoli, 1895.

<sup>87</sup> См. «Предисловие» Залемана к словарю. В архиве Карла Германовича имеются «Im Lexicon Sâhnâmianum erklärte persische Wörter» (ф. 87, оп. 1, № 162; включает слова из глав I—XXVIII); «Index Turcicus in 'Abdul Qâdiri Lexicon Sâhnâmianum» (там же, № 164).

его непосредственной специальности — иранистике. Несомненно, что это было обусловлено и его личными качествами, широтой его интересов и незаурядными лингвистическими способностями. Все же следует отметить, что этому также способствовал широкий профиль преподавания на факультете Восточных языков. Даже если бы Залеман ограничился прохождением курса по одному разряду, арабско-персидско-турецкому, уже и в этом случае им была бы приобретена специализация по трем совершенно различным отделам востоковедения, по языкам трех различных систем.

Из всех неиранистических дисциплин наибольшее внимание Залеманом было уделено тюркологии. Еще в 1871 г., в год окончания университета, им был составлен русско-кумыкский словарь 89.

В 70-х годах он усиленно занимался татарским языком, а в 1880 г. даже отправился в Казань в свою первую научную командировку для совершенствования в татарском языке. В то время Залеман получил предложение от Британского Библейского общества сделать перевод Евангелия на татарский язык. Он принял это предложение, и в 1882—1886 гг. в Казани был опубликован в его переводе татарский текст Евангелия от Матфея и от Марка 90. Им был сделан также перевод Евангелия от Луки, но его печатание не было разрешено духовной цензурой.

В 1889 г. Залеман опубликовал рецензию на «Тюркскую грамматику» А. Мюллера, вышедшую в серии Porta linguarum orientalium <sup>91</sup>. В этой рецензии он дал небольшой экскурс исторической орфографии и времени происхождения закона «аттракции гласных» в турецком языке, привлекая древнейшие из известных в то время тюркоязычных памятников: османский текст дошедшего до нас в греческой транскрипции перевода «Изложения» патриарха Геннадия Схолария, сельджукские стихи Султан-Валада, Codex Comanicus и уйгурские памятники. Вслед за этим, летом 1890 г., в процессе работы над каталогом Залеман обнаружил в рукописном фонде Азиатского музея (рукопись

<sup>89</sup> C. Salemann, Kumykisches vocabularium (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 316, стр. 228).

مرقس یازغان مقدس انخیان (Казань, 1882; 2 изд. 1890); مرقس یازغان مقدس انخیل (Казань, 1886); см. также «Образцы переводов священного писания, изданчых Британским и иностранным библейским обществом», Лондон. 1885(2 изд. 1893).

Лондон, 1885(2 изд. 1893).

91 К. Залеман (рец.), A. Müller, H. Gies, Türkische Grammatik mit. Paradigmen. Literatur, Chrestomathie und Glossar, Berlin, 1889. (ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 391—394).

№ 192) «Ребаб-намэ» (Rabàbnâme) Султан-Валада <sup>92</sup>. Всем прежним исследователям «Ребаб-намэ» был известен только один полный список этого памятника — рукопись Венской Императорской библиотеки.

Рукопись Азиатского музея представляет более поздний список, чем венская, но в ней шестью стихами больше, и она дает в ряде случаев более правильное написание слов. Результатом работы над ней и сельджукскими стихами была статья «Еще раз о сельджукских стихах» 93, в которой были опубликованы текст петербургской рукописи, перевод на немецкий язык как персидской, так и тюркской ее части и обширные примечания. Поскольку в новонайденной рукописи было шесть новых стиков (кроме вариантов), то оказалось возможным и целесообразным сделать дополнение <sup>94</sup> к составленному В. В. Радловым «Указателю тюркских слов в сельджукских стихах» 95, привлекая сюда также лексику «Месневи» поэта Джелаледдина Руми (отца Султан-Валада) и словарь لطایف اللغات писному списку Восточного института. В «Понложении» к этой работе содержалась также расшифровка греческих (иконийский диалект XIII—XIV вв.) стихов из «Ребаб-намэ», которые имеются в тюркской транскрипции в Будапештском списке этого памятника (в петербургской рукописи их нет). Стихи эти по венской рукописи (в ней на два стиха меньше, чем в будапештской) пытался расшифровать еще ее издатель Хаммер, но с гораздо меньшим успехом, чем Залеман, который польвовался консультациями известного знатока греческого языка проф. Г. Дестуниса.

К сельджукским стихам Залеман вернулся через двадцать пять лет, под конец своей жизни. Последняя написанная им работа «Новые сельджукские стихи» предназначалась для «Сборника Музея антропологии и этнографии» 96.

<sup>92</sup> Об этом памятнике см., например, W. Radloff, Über die alttürkische Dialecte, I, Die seldschukischen Verse im Rebab-Nameh («Mél. asiat.», t. X. livr. 1, 1890. p. 17—77).

t. X, livr. 1, 1890, p. 17-77).

93 C. Salemann, Noch einmal die seldschukischen Verse («Mél. asiat.», t. X, livr. 2, 1891, p. 173-245).

<sup>&</sup>lt;sup>94</sup> Ibid., p. 222—237. <sup>95</sup> «Verzeichnis der türkischen Wörter der seldschukischen Verse» («Mél.

аsiat.», t. X, livr. 1, 1890, р. 34—59).

96 К. Г. Залеман, Новые сельджукские стихи (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 303, 12 листов). На рукописи имеется надпись, сделанная Э. Пекарским 7 октября 1916 г.: «В набор немедленно, так как по слонам автора еще потребуется немало поправок. Для V т. «Сборника Музея антропологии и этнографии». В конце рукописи приписка: «продолжение будет».

Из тюркских рукописей Азиатского музея Залеманом был опубликован трактат о Хаким-Ата на джагатайском языке и дан его филологический разбор. Залеман издал также отрывки из тюркоязычных и персоязычных рукописей, содержащих библиографические сведения о шейхе Ахмаде Ясави. преемников которого являлся Хаким-Ата 97.

Наряду с сельджукскими стихами XIII—XIV вв. и джагатайским трактатом Залеман серьезно изучал уйгурские памятники, например «Кудатку-Билик», и издал «Прибавления» к работе В. Радлова 98. Когда в 90-х годах были найдены и опубликованы орхонские надписи, Залеман занялся и ими <sup>99</sup>, что в дальнейшем весьма ему пригодилось при чтении и публикации турфанских тюркоязычных документов.

Тонкое знание памятника половецкого (кыпчакского языка) в. — латино-персидско-куманского словаря, Codex Comanicus, Залеман показал в своей под названием острой полемической статье 100, написанной в связи с выходом в свет работ немецкого тюрколога В. Банга 101, допустившего резкие и необоснованные выпады против Радлова. Выступив с большой горячностью в защиту своего коллеги, Залеман показал как недопустимость использования Бангом приемов критики трудов своих предшественников путем искажения их точек эрения и грубой недооценки их научных заслуг, так и небезупречность некоторых положений самого Банга. Со свойственной ему объективностью Залеман не мог не отметить и положительного в работах Банга. В этой статье Залеман впервые проанализировал 102 всеми игнорировавшийся иранский элев Codex Comanicus, представлявший хорасанский народный говор XIII в. в фонетической передаче латинскими буквами.

В архиве Залемана хранятся сделанные им копии с турецких

102 «Известия ИАН», т. IV, 1910, стр. 951—957.

<sup>97</sup> К. Г. Залеман, Легенда про Хаким-Ата («Известия ИАН», т. IX.

<sup>1898, № 2,</sup> стр. 105—149)

98 W. Radloff, Das Kudatku Bilik, I, 1891. Прибавления Залемана:

S. XIV—XXVIII— «Aus Rašîdeddin's Ta'rîch-i Ghâzânî», S. XLI—XLIX— «Aus Juvaini's Ta'rîch-i Jahângušâi»; S. XLIX—L—«Aus dem Majma' al-ansâb des Muhammad-i Šabângâraî».

<sup>99</sup> Ср. орхонские материалы в архиве Залемана (ф. 87, оп. 1, № 262—271).
100 С. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus («Известия ИАН», (ф. 87, оп. 1,

T. IV, 1910, crp. 943—957).

10 W. Bang, Beiträge zur Erklärung des komanischen Marienhymnus (GGN. Phil.-hist. Kl., 1910. S. 61—78); W. Bang, Uber einen komanischen Kommunionshymnus («Bull. Acad. belg., Cl. des lettres», 1910, № 5); W. Bang, Zur Kritik des Codex Comanicus, Louvain. 1910.

рукописей и транскрипции текстов 103; среди его тюркологических материалов имеются начальные листы составлявшейся им

«Грамматики алтайских языков» 104.

Таким образом, 80—90-е годы были временем большого подъема в научной деятельности Залемана. В эти же годы он был избран в Академию наук и много уделял времени организационной работе. 1 апреля 1886 г. он был представлен тремя крупнейшими русскими ориенталистами О. Бётлингом, В. Радловым и В. Васильевым 105 в адъюнкты Российской Академии наук. Т. Нельдеке прислал блестящую характеристику известных ему трудов Залемана и закончил свое письмо словами: «Я не знаю никого, кого можно было бы рядом с ним выставить кандидатом в адъюнкты Академии по иранским языкам» 106. 29 апреля на заседании Историко-филологического отделения Залеман был единогласно избран в адъюнкты Академии по части литературы и истории азиатских народов 107.

Спустя три года, 4 ноября 1889 г., он был утвержден экстраординарным академиком, а 4 февраля 1895 г. избран ординар-

ным академиком.

Сразу же после избрания в Академию Залеман стал принимать деятельное участие в ее жизни. Так, он работал над составлением русской лингвистической азбуки 108. Тогда в Академии наук существовал обычай, введенный с целью гарантировать высокое качество изданий Академии: корректуры всех сложных для печатания трудов, особенно с транскрибированными текстами, читались членами Академии. Залеман при своей широкой лингвистической подготовке и большой тщательности в работе был одним из лучших корректоров среди академиков и наблюдал за печатанием в «Известиях» и «Записках» Академии наук статей по самым различным языкам 109.

106 Письмо Нельдеке от 2 (14) марта 1886 г. приводится в тексте представления.

108 «О русской лингвистической азбуке». Доклад Историко-филологическому отделению АН В. Радлова, В. Васильева и К. Залемана («Известия ИДН», в XXXII 1888)

ИАН», т. XXXII, 1888).

109 Например, N Anderson. Wandlungen der anlautenden Dentalen spirans im Ostjakischen («Записки ИАН», т. XI, 1894, № 2); С. Г. Рыба-ков, Музыка и песни уральских мусульман («Записки ИАН», т. II,

<sup>103</sup> Например, Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 303—313. 104 С. Salemann, Grammatik der altaischen Sprachen (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 304, 18 листов).

<sup>105</sup> См. «Протокол заседания Историко-филологического отделения», 1 апреля 1886 г.

<sup>107</sup> См.: «Протокол заседания Историко-филологического отделения», 29 апреля 1886 г. Избрание на общем собрании Академии наук произошло 16 августа 1886 г.

Многие работы были Залеманом рекомендованы для издания, в частности «Материалы для изучения персидских наречий» В. А. Жуковского 110, «Kurdische Sammlungen» Прима и Социна, «Die Sprache der armenischen Zigeuner» Ф. Н. Финка 111, «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и др.

Опубликование ряда работ было осуществлено под непосредственным наблюдением Залемана <sup>112</sup>. Но известны также и факты, когда порученные ему для печатания материалы оставались неизданными. Это объяснялось, по-видимому, как чрезмерной загруженностью Залемана научной, административной и библиотекарской работой, так и не зависящими от него обстоятельствами.

Например, «Материалы для изучения персидских наречий» Жуковского предполагалось издать в пяти частях. Первая часть вышла быстро, в 1887 г., вторая и третья части были опубликованы лишь в 1922 г. «Курдские тексты» Г. Макаша также начали печататься под непосредственным наблюдением Залемана в 1897 г., а вышли в свет в 1924 г., уже под наблюдением И. А. Орбели 113.

<sup>1898, № 2);</sup> В. И. Иохельсон, Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора («Известия ИАН», т. IX, 1899); В. Богораз, Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора («Известия ЙАН», т. X, 1899); F. N. Finck, Die Sprache der armenischen Zigeuner («Записки ИАН», т. VIII, 1908, № 5); М. С. Андреев и А. А. Половцев, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан («Сборник Музея антропологии и этнографии», IX, 1911).

<sup>1911).

110</sup> C. Salemann, Bericht über des Mag. V. Zukovski Materialien zur persischen Dialektologie («Mél. asiat.», t. IX, livr. 3, 1887, p. 255—259).

111 «Известия ИАН», т. XXIII, 1907, стр. X.

<sup>112</sup> В. Муковский, Материалы для изучения персидских наречий, 1, СПб., 1888; W. Miller, R. von Stackelberg, Fünf ossetische Erzählungen in digorischem Dialekt, SPb., 1891, В. Миллер, Материалы для изучения еврейско-татарского языка, СПб., 1892; F. Wiedemann, Estnisch-deutsches Wörterbuch, 2 Aufl., 1893; A. O. Ивановский, Mandjurica, 1, СПб., 894 S. Patkanov Die Irtysch-Ostjaken, I—II, SPb., 1897—1900; S. Wiener, Bibliographie der Oster-Haggadah, SPb., 1902. предисовие Залемеча; К. Barons, H. Wissendorf, Latwju dainas, II, 1903; III, 1, 1904; III, 2, 1906; III, 3, 1909; IV, 1910; F. Rosenberg, Le livre de Zoroastre (Zaratusht-Nāma) de Zartusht-i Bahrām ben Pajdū, SPb., 1904; Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, вып. 1—3, СПб., 1907—1912 и др.

ПЗ К. Хаданк в обработанных и изданных им материалах О. Манна (О. Мапп, Kurdisch-Persische Forschungen, Abt. III, Bd. I. Berlin, 1926, S. XXVI—XXVII) затрагивает вопрос о том, почему отпечатанные выпуски «Материалов» Жуковского 30 лет не выходили в свет, и всю вину за это взваливает на Залемана, якобы намеренно задержилавшего издание работ своих коллег-иранистов, но не попводит ни одного долода. В. А. Иванов выступил — защиту своего учителя [W. Ivanow, Pro C. Salemann («Islamica», III, 1927, p. 271—272)], справедливо отметив, что тот.

В январе 1890 г. Карл Германович был избран директором Азиатского музея, заменив на этом посту Радлова. Название «Азиатский музей» было в это время уже чисто историческим; главное его богатство составляли коллекции восточных рукописей и библиотека по востоковедению.

Именно по этим двум линиям— по собиранию восточных рукописей и по расширению фондов библиотеки— и была направлена деятельность Залемана как директора. За период директорства Залемана годовой бюджет Азиатского музея увеличился вдесятеро 114.

Большое значение в гоомадном росте коллекций Музея имели жеотвования частных лиц, однако немалым фактором была и активность директора Музея: им организовывались специальные экспедиции за рукописями и печатными изданиями, главным образом в Среднюю Азию, а также в Иран. Так, в Тегеране Л. Ф. Богданов, ученик Залемана, приобрел по его заданию для Азиатского музея 222 рукописи, а другой его ученик В. А. Иванов покупал рукописи и старинные издания в Средней Азии; одних только мусульманских рукописей было закуплено около тысячи томов 115.

Приобретались также и копии рукописей заграничных собраний (например, каирской рукописи уйгурской поэмы «Кудатку-Билик», мюнхенских и копенгагенских зороэстоийских рукописей). Когда Залеман писал «Parsenhandschrift», рукопись

напротив. был «движущим началом» и данной работы <sup>ж</sup>уковского, которую он же поедставлял Академии, и многих доугих работ по иранистике. В ответе Иванову Хаданк («Islamica», III, р. 486—490) повтооил свои обвитетия, ссылаясь на поелисловие С. Ф. Ольденбурга и И. А. Орбели к «Курдским текстам» Г. Макаша. Однако в предисловии нет никакого намека на отрицетельную роль Залемана в издании оабот по иранистиче Судя по письму Залемача к Радлову от 26 июня 1889 г. (Архив АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 108), он, напротив, ускорял печатание второй и третьей частей «Материалов» Жуковского, а Бартольд (ЗВОРАО, т. 24, 1917, стр. 252) специально подчеркивает, что задержка их выхода в свет произошла «не по вине Карла Германовича». По устному сообщению И. А. Орбели, у Залемана были хогошие взаимоотношения с Жуковским; что же касается «Курдских текстов» Макаша, то Залеман сам читал все корректуры, и тольго последними листами, когда он почти ослеп, по его же просьбе занимался Орбели.

114 См.: «Материалы для истории академических учреждений за 1880—1914 гг.», ч. 1. Пг., 1917, стр. 229; Д.И. Тихонов Из истории Азиатского музея («Очерки по истории русского востоковедения», вып. 2, М., 1956).

115 «Матеоналы для истории академических учреждений...», ч. 1, стр. 231; А. А. Фрейман, Список рукописей, приобретенных для Азиатского жизея В. А. Ивановым в Бухаое в 1915 г., I—II («Известия РАН», 1918); см. также письма Иванова Залеману (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 157).

Долгорукого была единственной парсийской рукописью в России. В 1906 г. благодаря его энергии была приобретена часть библиотеки Э. Веста с ценными коллекциями и рукописями, среди которых самый полный в Европе спилок «Dēnkart» за 116. Немало рукописей было привезено самим Залеманом из его второй поездки в Туркестан; именно он явился создателем еврейско-персидской коллекции Азиатского музея и соответствующего отдела еврейско-персидских рукописей 117.

Большую помощь в пополнении коллекций Азиатского музея оказал организованный в 1903 г. Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии, членом которого был Залеман. Много внимания уделял Залеман увеличению книжных богатств музея, поддерживая тесную связь с европейскими книгоиздателями и библиотеками, следя за систематическим поступлением периодических изданий и стараясь не пропустить ни одного интересного частного собрания книг по Востоку. За период директорства Карла Германовича Азиатский музей превратился в одно из богатейших в мире хранилищ восточных рукописей и старинных печатных книг, в одну из лучших востоковедных библиотек.

Рост фондов Азиатского музея естественно требовал огромной работы по систематизации и каталогизации, равно как по хранению. Необходимо было также информировать научную общественность о новых поступлениях. При горсточке сотрудников, правда, первоклассных, это было весьма нелегкой задачей 118.

Не удивительно поэтому, что многое из того, за что брался Залеман, не доводилось им до конца. Например, работа над составлением сводного каталога мусульманских рукописей музея (так называемого Catalogus Catalogorum), так и не была им окончена 119.

<sup>116 «</sup>Материалы для истории академических учреждений...», ч. 1, сто 232

<sup>117</sup> А. А. Фрейман, Список рукописей, приобретенных для Азиатского

музея В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г., стр. 1279—1282.

118 С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман как библиотекарь («Библиографические материалы, собранные в 1913—1914 гг.», под ред. Э. А. Вольтера, вып. 2, Пг., 1918, стр. 7—10).

<sup>119</sup> Залеман напечатал немало статей информационного характера о приобретениях Азиатского музея: С. Salemann, Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums («Mél. asiat», t. IX, livr. 3, 1887, p. 321—402); С. Salemann, Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen («Mél. asiat.», t. X, 1893, p. 271—292); К. Г. Залеман, Список персидских рукописей и книг, приобретенных от И. И. Десницкого («Известия ИАН», т. І, 1907, стр. 43) и др. С. 1902 г. Залеман издавал в «Известиях ИАН» информационный бюллетень о новых поступлениях с кратким описанием материалов («Notitiae Musei Asiatici Petropolitani»).

Для более полного представления о личных качествах Карла Германовича нужно остановиться на одной черте его характера, которая, по свидетельству лиц, хорошо его знавших, доминировала в нем во все периоды его жизни, — это огромная любовь к книге, доводившая его иной раз до того, что он интересы книги ставил выше интересов людей. С. Ф. Ольденбург, личный его друг, которого он сам рекомендовал в свои преемники по руководству Азиатским музеем, рассказывает, что однажды, обсуждая с Залеманом вопрос, касающийся внутреннего распорядка в библиотеке, решение которого Залеманом явно шло в ущерб удобству читателей, он в ходе спора сказал Залеману: «Но ведь не станете же Вы отрицать, что книга для человека, а не человек для книги». На что получил ответ: «Для меня это еще вопрос». Эта привязанность к книге приводила его к тому, что он, будучи директором Азиатского музея и II Отделения Библиотеки Академии наук, собственноручно писал библиотечные карточки и наклеивал номерные этикетки на переплеты. Залеман очень хорошо знал библиотечное дело. Когда он по окончании университета стал сначала помощником библиотекаря, а затем и библиотекарем университета, он много и серьезно занимался вопросами систематизации и каталогизации книг. Приобретенные тогда знания затем пополнялись и во время его многочисленных командировок за границу 120. Для университетской библиотеки Залеманом было сделано очень много. Им были составлены «Инвентари» № I—VI за годы 1877—1884 и издан при участии В. Р. Розена «Список персидским, турецкотатарским и арабским рукописям Библиотеки СПб. Университета» 121. Благодаря огромному труду Залемана и его учеников А. Р. Крейсберга и М. И. Кудряшева библиотека «занимала исключительное место среди столичных библиотек по состоянию своих каталогов и удобству пользования» 122.

В 1890 г. Залеман стал директором II Отделения Библиотеки Академии наук, проработав на этом посту более двадцати пяти лет. И тут он проявил себя неутомимым собирателем книг и прекрасным организатором.

Когда в связи с начавшейся мировой войной был нарушен

<sup>120</sup> Подробный перечень командировок Залемана приводится в его автобиографической заметке в «Материалах для биографического словаря действительных членов Имп. Акад. наук», ч. І, 1915, стр. 293—298.

121 ЗВОРАО, т. ІІ, 1887. стр. 241—262; т. ІІІ, 1888, стр. 197—222; особые оттиски имеют заглавне: «Indices alphabetic continum manuscriptorum

Persicorum, Turcicorum, Arabicorum qui in Bibliotheca imperialis literarum Universitatis Petropolitanae adservantur», Petropoli, 1888.

<sup>122</sup> С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман как библиотекарь, стр. 8.

нормальный книгообмен, особенно с воюющей стороной. Академия наук командировала Залемана в нейтральную страну. в Швецию, с целью установления связей с шведскими книгопродавцами для восстановления возможности получать для академической библиотеки иностранные главным образом периодические издания 123. Для этой же библиотеки им была издана система К. Ф. Бэра и введена карточная каталогизация 124. Массу времени и энергии отнимали у Залемана хлопоты по утверждению проекта и строительству нового здания библиотеки. Он принимал активное участие в разработке проекта 125. В 1909 г. он вместе с архитектором Р. Р. Марфельдом ездил в Лейпциг. Копенгаген, Берлин и Марбург для осмотра библиотек, а в 1912 г. с архитектором Р. А. Берзеном осматривал в Берлине строившуюся тогда Королевскую библиотеку. Как член строительной комиссии Залеман вникал во все детали, вплоть до распределения электролами в новом здании и систем книжных полок, вел переговоры с директорами и представителями фирм, изготовлявших различные технические детали 126. Залеману так и не пришлось дожить до перехода библиотеки в новое здание.

Залеман принимал активное участие в международных научно-организационных мероприятиях. Вместе с акад. А. С. Фаминцыным он представлял Российскую Академию на учредительном собрании Международной ассоциации академий (создана в 1899 г.) в Висбадене и вошел в его исполнительный орган — Комитет Международного Союза академий.

Он принимал деятельное участие во всех заседаниях Комитета и общих собраниях Союза за рубежом и провел большую ортанизационную работу по созыву и проведению общего собрания Союза академий в Петербурге весной 1913 г.

В 1895 г. он был послан Академией на пятидесятилетний юбилей Deutsche Morgenländische Gesellschaft, а в 1909 г. — на празднование 500-летней годовщины основания Лейпцигского университета.

<sup>123 «</sup>Протоколы заседания Историко-филологического отделения ИАН»,

<sup>3</sup> октября 1914 г.
124 С. Е. Baer, Conspectus indicis systematici Bibliothecae Academiae Imperialis Petropolitanae... nunc recognitus., СПб., 1904. — Подробности о деятельности Залемана в Библиотеке АН см. в «Материалах для истории академических учреждений...», ч. 1, стр. 39—46.

академических учреждений...», ч. 1, стр. 39—46.

125 К. Г. Залеман, Проект постройки нового вдания для библиотеки Имп. Академии наук («Труды I Всероссийского съезда по библиотечному делу» СПб. 1911 стр. 140—147).

делу», СПб., 1911, стр. 140—147).

126 Яркий в этом отношении материал содержит письма (1899—1916)

Залемана к А. А. Шахматову, который был директором I отделения Библиотеки (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 545).

Залеман представлял русскую иранистику на международных конгрессах востоковедов 127.

В 1902 г. Гиссенский университет присудил Карлу Германовичу степень доктора философии honoris causa 128, а в 1904 г. он был избоан членом-корреспондентом Венгерской академии и в 1908 г. — почетным членом Королевского Азиатского общества в Лондоне. В том же году Распорядительный комитет по изданию «Энциклопедии Ислама» избрал его в число своих членов в качестве представителя Российской Академии вместо скончавшегося Розена 129.

О политических взглядах и мировоззрении Залемана нам известно очень мало. Архивные материалы ученого не содержат данных об этом, а по свидетельству акад. Бартольда, Залеман в кругу своих друзей никогда не высказывал своего отношения к политическим событиям, происходившим в России и вне ее. Можно, однако, сказать, что он, подобно большинству русских востоковедов конца XIX—начала XX в., не принадлежал к числу лиц с прогрессивными, демократическими устремлениями. Хотя Залеман и не примыкал ни к одной из политических партий или группировок, по судя по тому, что он был среди подписавших немецкий текст октябрьского манифеста 1905 г., его политические симпатии можно определить как либерально-буржуазные.

Для него, типичного прибалтийского немца, который был, по выражению знавших его людей, «немцем в России и русским в Германии», Российская Академия наук была своего рода госу-дарством в государстве 130, и ей он был действительно предан.

Известно также, что Залеман был человеком религиозным. Он был и до конца своей жизни оставался членом духовного

<sup>127</sup> Он принимал участие в III международном конгрессе ориенталистов (Петербург, 1876), в XII (Рим, 1899) и XIII (Гамбург, 1902), международных съездах ориенталистов, где председательствовал в иранской секции, и в XIV международном съезде ориенталистов (Копенгаген, 1908).

128 Кандидатура Залемана была предложена X. Бартоломэ; см. его письмо от 4 февраля 1902 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 22).

129 «Протокол заседания Историко-филологического отделения», 15 ок-

тября 1908 г.

<sup>130</sup> Покавательно в этом отношении письмо Залемана к акад. Шахматову от 17 (30) декабря 1914 г.: «...Наконец, считаю своим долгом заявить, что я по многим соображениям против исключения кого-либо из членов почетных и корреспондентов и от такого поступка вижу только вред для Академии уже потому, что, раз мы станем подчиняться посторонним решениям (речь идет, очевидно, о поступившем в Академию от государственных органов поедложении исключить ее иностранных членовподданных государств, входивших в Тройственный союз. — А. П.), мы утратим драгоценное право решать наши дела самостоятельно. Principiis obsto...» (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 545).

совета лютеранской церкви Екатериненкирхе на Васильевском острове. Принятие им предложения Британского Библейского общества о переводе Евангелия на татарский язык и издание этих переводов не является поэтому случайным и преследовало, очевидно, миссионерские цели.

Уже по данному нами обзору деятельности Залемана можно составить представление о нем, как о весьма деятельном человеке, принимавшем близко к сердцу интересы науки и не жалевшем ни времени, ни энергии на создание в России необходимой 
базы для развития востоковедения. Неизбежной оборотной 
стороной этого было то, что многое из начатого Залеманом в 
его собственной научной работе оказалось незавершенным. 
Можно только удивляться тому, что при столь большой нагрузке он так быстро откликался на все новое в его области.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались выдающимся в истории востоковедения событием — открытием в Китайском Туркестане манихейских, буддийских и христианских документов на различных языках. Были обнаружены, в частности, тексты на двух западных среднеиранских языках: северном (парфянском, о котором до этого почти ничего не было известно) и южном (среднеперсидском), в фонетическом написании, без арамейских идеограмм, что блестяще подтверждало правильность той точки зрения, которую решительно отстаивал Залеман за четверть века до этого. Событием огромного интереса для иранистики явилось также открытие восточных среднеиранских языков — согдийского и сакского (так называемого хотано-сакского).

Пионером в деле публикации найденных материалов был Ф. В. К. Мюллер, издавший в 1904 г. в латинской транслитерации и с подстрочным переводом большое число турфанских документов, привезенных немецкой экспедицией Грюнведеля 131. Он же первый определил принадлежность публикуемого им материала манихейским общинам.

Вслед за Мюллером в том же году Залеман издал хранившийся в Азиатском музее манихейский фрагмент на среднеперсидском языке, привезенный в 1898 г. из Турфанской экспедиции Роборовским и Козловым <sup>132</sup>.

Текст фрагмента, интересного упоминанием ряда манихейских произведений, Залеман дал в транслитерации еврейским

<sup>131</sup> F. W. K. Müller, Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Chinesisch-Turbestan (ShPAW 1904 S 348—352)

nesisch-Turkestan (SbPAW, 1904, S. 348—352).

132 C. Salemann, Ein Bruchstück monichaischen Schrifttums im Asiatischen Museum («Записки ИАН», т. VI,1904, № 6, стр. 1—26 + 1 факсимиле).

квадратным шрифтом, что было серьезным преимуществом перед латинской транслитерацией Мюллера <sup>133</sup>. Залеман уточнил также фонетическое значение некоторых знаков, дал свое чтение трех из опубликованных Мюллером фрагментов и установил ряд черт, существенных для фонетического развития среднеперсидского языка.

Между прочим турфанская орфография подтвердила постулировавшуюся еще раньше <sup>134</sup> Залеманом этимологию среднеперсидского союза, принимавшегося за заимствование из арамейского, восходящего к древнеперсидскому uta Другим подтверждением результатов прежних его работ явились формы пассива в этих текстах. Залеман дал свою транскрипцию и перевод 16-й главы пехлевийского сочинения Škand gumānīk vičār. в которой говорится об учении Мани. К концу 1904 г. вышла вторая 135 публикация Мюллера, изданная по тому же принципу, что и первая. Залеман решил написать на нее обстоятельную рецензию. Однако, по мере работы над материалами Мюллера, он вынужден был отказаться от своего первоначального намерения. Прежде всего, чтобы придать текстам нормальный вид оригинала или, по его выражению, «избавиться от кошмара невозможных фонетических форм» 136, нужно было перевести тексты на семитическую транслитерацию. В процессе этого возникло множество сомнений как в правильности чтения отдельных знаков и восстановлений текста, так и в верности переводов. Для снятия многих вопросов требовалась сверка с оригиналом. С этой целью Залеман листы со своей транслитерацией и восполнениями отсылал Мюллеру для сверки 137, что дало возможность внести немалое число уточнений и исправлений в чтения, данные в editio princeps. Это последнее имело и другие существенные недостатки, как отсутствие словаря и индексов, а также грамматического очерка, обобщающего новые языковые факты, поставляемые турфанскими текстами. Чтобы устранить эти недостатки и дать филологам-иранистам полноценные вос-

<sup>133</sup> Еврейская транслитерация давала более точное воспроизведение оригинала. Так, по турфанским текстам не всегда можно установить, что выражается знаком ї или ё; равным образом и для передачи согласного состава латинская транслитерация навязчива, поскольку не отражает спирантного характера произношения их в известных позициях, что, видимо, отражает возникшее на сирийской основе турфанское письмо.

отражает возникшее на сирийской основе турфанское письмо.

134 Ср. С. Salemann, Mittelpersisch, S. 275, § 47, Anmer.

135 F. W. K. Müller. Handschriften-Reste..., Teil II («Abhandl. d. PAW», 1904).

<sup>136 «</sup>Записки ИАН», т. 8, 1908, № 10, стр. V.
137 Там же стр. VI Ср. письма Ф. В. Мюллера Залеману, 1904—
1906 гг. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 271).

произведения текстов со всей необходимой сводкой, Залеман принялся за новое издание материалов Мюллера.

В мае 1905 г. тексты Мюллера в еврейской транслитерации, подготовленные Залеманом, поступили в типографию; они уже были отпечатаны, когда вышла в свет новая публикация Мюллера 138. Входившие в нее материалы Залеман переиздал в качестве «Дополнения». Ценной частью издания является составленный им словарь-индекс 139. Своих переводов текстов Залеман не дал, так как переводы Мюллера были в общем удовлетворительны, но в тех случаях, когда Залеман давал отличное от мюллеровского чтение или толкование слова он помещал свой перевод контекста (вместе со своим восполнением лакуны) именно в словаре.

Третью часть «Manichaeische Studien, I» составляет грамматический очерк, являющийся по существу дополнением к «Mittelpersisch», на что указывает также и расположение материала с отсылкой читателя к соответствующему параграфу в «Grundriss» е. В нем подытожен, с точки эрения грамматики среднеперсидского языка, материал турфанских фрагментов, опубликованный к 1906 г.

Издавая мюллеровские материалы, Залеман обратил внимание на наличие в них по крайней мере двух среднеиранских диалектов (кроме согдийского) <sup>140</sup>. Ему удалось правильно выделить числительные двух диалектов, но от более четкой дифференциации этих диалектов и выявления их отличительных особенностей он тогда воздержался, главным образом потому, что часто оба диалекта выступают в одних и тех же фрагментах и имеются даже смешанные тексты <sup>141</sup>. В этом отношении больше преуспел его современник Ф. Андреас, который уже в сентябре 1904 г., сразу же по получении от Мюллера первых пяти-

<sup>&</sup>lt;sup>138</sup> F. W. K. Müller, Eine Hermas-Stelle in manichäischer Version (SbPAW, 1905, S. 1077—1083).

<sup>139</sup> Многие слова подробно разъяснялись; привлекался разнообразный параллельный материал из пехлевийских текстов, сасанидских эпиграфических памятников, Авесты, сирийского, армянского и грузинского языков. В дополнение к словарю Залемач поместил «индекс окончаний слов» [С. Salemann, Manichaeische Studien, I. Die Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen («Записки ИАН», т VIII, 1908, № 10)]. Длительность печатания работы вызвана была задержками сначала из-за выхода в свет «Hermas-Stelle» Мюллера, а затем получения Залеманом от Бартоломъ корректурных листов работы последнего «Zum altiranischen Wörterbuch», использующей также и турфанский языковый материал, которая, естественно, не могла не быть учтена.

<sup>&</sup>lt;sup>140</sup> «Manichaeische Studien, I», S. 160.

<sup>&</sup>lt;sup>141</sup> Ibid., S. 149—150.

десяти шести страниц корректур второй части его «Handschriften- Reste», не только установил наличие в турфанских фрагментах трех среднеиранских диалектов, согдийского и двух западных, но и определил один из этих последних как аршакидский диалект, называя его также «северным», другой же — как сасанидский, или «юго-западный». Андреас сообщил Залеману об этих своих наблюдениях и выслал ему копентагенскую газету «Berlingske Tidende» от 11 июля 1905 г., в которой была помещена статья А. Кристенсена, излагавшая наблюдения Ф. Андреаса 142. Залеман, по-видимому, уже не успел или не счел возможным опубликовать содержание письма Андреаса в «Мапіchaeische Studien, I» 143.

К числу достижений «Manichaeische Studien, I» следует отнести и то, что Карл Германович выделил среди мюллеровских материалов тексты, написанные стихами 144; правда, размер их определялся им не всегда правильно 145, что отчасти объясняется их фрагментарностью, а также большим разнообразием в их метрике. Корректурные листы «Manichaeische Studien, I» охотно предоставлялись Залеманом всем, кому они были необходимы в работе; так, они побывали у Г. Хюбшмана и у Х. Бартоломэ. В 1906 г. корректурные листы словаря были отправлены для ознакомления Ф. В. К. Мюллеру, продолжавшему работу над турфанским материалом. Мюллер, весьма болезненно воспринял появление в свет этой работы и реагировал на нее с нескрываемым раздражением 146, но тут он явился единственным исключением.

142 Письмо Андреаса к Залеману от 12 января 1907 г. (Архив АН

CCCP, ф. 87, on. 3, № 9).

Mongolei (ShPAW, 1909, S. 730).

<sup>143</sup> Ученику Андреаса О. Манну удалось (с помощью учителя) выявить шесть основных диалектальных дифференций в западноиранской турфанике и проследить их в современных диалектах в книге, опубликованной через год после выхода в свет «Manichaeische Studien, I» (О. Mann Die Tüdjik-Munaarten der Provinz Fars, Kurdisch-Persische Forschungen, 1, 1909).

<sup>144 «</sup>Manichaeische Studien, I», S. 149, 153, 154; определение Залеманом размера стиха в примечаниях к соответствующим текстам. Важно указание Залемана на связь метрики манихейских отрывков с авестийской метрикой, с одной стороны, и старыми иранскими фольклорными размера. ми (рубан и мутакариб) — с другой.

<sup>145</sup> Важный экскурс о метрике турфанских стихов вместе с исправлениями определений Залемана см.: Е. Benveniste, Le texte du Draxt Asurik et la versification pehlevie (JA, 1930, p. 205—225); иная точка эрения на среднеперсидское стихосложение у Хеннинга [W. B. Henning, A Pahlavi poem (BSOAS, vol. XIII, 3, 1950, p. 641—648)].

А. Мейе, опубликовавший рецензию на этот труд 147, закончил ее пожеланием, чтобы «остальные иранские тексты Турфана были по возможности скорее опубликованы и чтобы после первого издателя, подобного Мюллеру, они были изучены еще таким мэтром, как г. Залеман».

Большая работа Залемана еще находилась в типографии, когда он приступил к подготовке публикации 148 четырех новых фрагментов из собрания Азиатского музея, из которых два оказались среднеперсидскими, один - согдийским и один - тюркским, наиболее интересным из них, обнаруживающим много аналогий с языком орхонских надписей.

В 1905—1907 гг., благодаря публикациям Э. Захау и Ф. В. К. Мюллера 149, стали известны согдийские фрагменты, написанные сирийским письмом с текстами христианского содержания. Над этим материалом Залеманом была проделана та же работа, что и над среднеперсидской манихаикой. В «Manichaica II» Залеман публикует тексты этих фрагментов в транслитерации квадратным шрифтом и с более точным чтением 150. Вся встречающаяся в этих текстах лексика собрана в словаре, в котором формы, по возможности, определяются и объясняются с привлечением параллелей из манихейско-согдийского, среднеперсидского, осетинского, ягнобского 151, шугнанского и ваханского. Как и в «Manichaeische Studien, I», к словарю приложен алфавитный указатель окончаний слов. Залеман дает впервые очерк грамма-

<sup>147</sup> JA, 1909, р. 312—314. — Большое положительное значение издания Залемана подчеркивается также в рецензии А. А. Фреймана (ВВОРАО, т. 19, 1909, стр. 84—91).

148 C. Salemann, *Manichaica*, I («Известия ИАН», т. I, 1907, стр.

<sup>175—184).</sup> 

<sup>149</sup> E. Sachau, Literatur-Bruchstücke aus Chinesisch-Turkestan (SbPAW, 1905, S. 964—978); F. W. K. Müller, Neutestamentliche Bruchstücke in soghdischer Sprache (SbPAW, 1907, S. 260—270).

150 С. Salemann, Manichaica, II («Известия ИАН», т. I, 1907, стр.

<sup>531--558).</sup> 

<sup>151</sup> На связь согдийского с ягнобским первым обратил внимание Андреас, написавший об этом Залеману (письмо Андреаса от 7 марта 1907 г. на которое ссылается Залеман в «Мапіснаіса, II», среди писем Андреаса в архиве не оказалось; однако в письме от 12 января 1907 г., написанном после получения корректурных листов «Ягнобских этюдов», Андреас сообщает Залеману о сделанном им при помощи залемановских ягнобских материалов открытии близости согдийского и ягнобского языков и приводит в качестве примера согд zāé, ягн. zāi «земля»). Впоследствии Андреас уточнил соотношение этих двух языков, охарактеризовав ягнобский язык как «новосогдийский», с особой диалектной основой; см. ero:«Zwei soghdische Excurse zu W. Thomsens «Ein Blatt...», SbPAW, 1910. S. 307—314.

тики христианско-согдийского языка и определяет его место как среднеиранский язык восточной ветви.

Продолжая работу над согдийским материалом. Залеман конце 1911 г. сдает в печать еще одну публикацию среднеперсидских турфанских документов, поступивших в Азиатский музей (37 фрагментов из собрания Н. Кроткова, русского консула в Урумчи, и двух фрагментов, привезенных экспедицией С. Ф. Ольденбурга в 1909 г.), вместе со словарем, дополняющим словарь в «Manichaeische Studien. I» 152.

За истекшее с момента выхода «Manichaica, III» пятилетие согдология обогатилась изданиями новых материалов, христианско-согдийских и буддийско-согдийских <sup>153</sup>. Были достигнуты некоторые успехи в чтении так называемых «Старых согдийских писем» (IV в.), найденных О. Стейном, и согдийских документов буддийского содержания. Особенно велика в этом доля молодого французского ученого Р. Готьо 154, который с 1911 г., вплоть до своей гибели в 1916 г., поддерживал тесную связь с Залеманом, относившимся к нему в высшей степени благожелательно. Он посылал Готьо фотографии петербургских фрагментов, написанных согдийским письмом 155. Когда Готьо готовил к изданию свой «Очерк согдийской грамматики», Залеман предоставил в его распоряжение ягнобские материалы. Корректурные листы первой и второй частей «Vessantara Jātaka», присланные Готьо, Залеман тщательно прочел и письменно сообщил автору все свои соображения; он составил список глагольных «Vessantara Jataka», который послал Готьо для сверки. Залеман читал и корректуру первого тома «Очерка согдийской грамматики» <sup>156</sup>.

При активном содействии Залемана летом 1913 г. Готьо вместе с учеником Бартоломэ Г. Юнкером (ныне профессором Берлинского университета им. Гумбольдта) получили возможность принять участие в Памирской экспедиции Русского комитета по

<sup>152</sup> С. Salemann, Manichaica, III—IV [«Известия ИАН», 1912, стр.

<sup>1-32 (</sup>III); 33-50 (IV)].

153 F. W. K. Müller, Soghdische Texte I («Abhandl. d. PAW», 1912) (вышла в 1913 г.; на этот раз Мюллер изменил своей латинской транскрипции в пользу сирийской); R. Gauthiot, Une version sogdienne du Vessantara Jātaka (JA, 1912, р. 163—193, 429—510) (транскрипция и перевод); R. Gauthiot, Le sūtra du Religieux Ongles-Longs. Texte sogdien avec

traduction et version chinoise (MSL, XVII, 1012).

154 Статън Р. Готьо в JRAS и JA за 1911 и 1912 г.

155 Ср., например, письма Готьо к Залеману от 18 февраля и 10 октября 1912 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 115), а также R. Gauthiot, Essai de grammaire sogdienne, I, Paris, 1914—1923, р. XVIII. 156 «Известия ИАН», 1913, стр. 1126.

изучению Центральной Азии 157. Судя по письму Готьо из Ягноба, он проверял на месте «Ягнобские этюды», очевидно, по просьбе Залемана 158.

В том же году, в дополнение и расширение очерка согдийской грамматики в «Manichaica II», вышел пятый выпуск «Manichaiса» 159. Как в первом очерке, так и в этом речь идет о грамматике христианско-согдийских текстов, но Залеман останавливается и на диалектальных различиях между христианско-согдийским буддийско-согдийским, что стало возможным после публикаций Мюллера и Готьо. Главное значение этой работы — в открытии категории рода в согдийском языке.

Оба написанные Залеманом очерка согдийской грамматики оыли весьма существенным вкладом в согдологию. Уже по поводу первого очерка Р. Готьо писал Залеману: «Грамматический очерк («Essai de grammaire sogdienne»), который я сейчас составляю, по большей части совпадает с тем, который Вы набросали в «Manichaica, II», и даже подтверждает некоторые предположения, которые Вы тогда, естественно, делали и могли сделать только в виде гипотез» 160. Последняя опубликованная работа Залемана вышла в 1914 г. 161.

30 ноября 1916 г. Залеман скончался. Он был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петрограде.

В его лице русская востоковедная наука имела одного из самых блестящих своих представителей и организаторов.

**795—808**).

<sup>157</sup> Письма Бартоломэ от 22 мая 1913 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 22) и Готьо от 8 мая 1913 г. и 23 мая 1913 г. О работе Готьо и Юнкера в Ягнобе см.: R. Gauthiot (CRAI, 1913, р. 671); H. Junker, Yaghnobi-Studien, I («Abhandl. d. Sächs. AW, Phil.-hist. Kl»., XLI, 2, 1930).

<sup>158</sup> В 1955 г. Э. Бенвенист издал в «Journal asiatique» (р. 139— 162) обнаруженную им среди бумаг Готью копию словаря из «Ягнобских этюдов», которую Готьо сделал для себя с залемановского экземпляра. Вполне возможно, что заметки другими чернилами на оборотах листов, представляющие собой уточнения, на которые обратил внимание Э. Бенвенист (ibid., р. 142), относятся именно к этому времени. Несомненно, однако, что Готьо в Ягнобе имел под рукой полный текст «Ягнобских этю-дов», так как он сверил и тексты Куна (см. письмо Готьо к Залеману от 2 июля 1913 г.; Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 115). 189 С. Salemann, Manichaica, V («Известия ИАН», т. VII, 1913, стр.

<sup>1125—1144).</sup> 

<sup>1160</sup> Письмо Р. Готьо от 17 мая 1912 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3. № 115). После выхода «Manichaica, V» Готьо писал Залеману: «Я надеюсь, что по моей грамматике будет ясно видно, что Вы -мой соавтор» письмо от 8 (21) марта 1914 г.].

161 С. Salemann, Eranica 1—4 («Известия ИАН», т. VIII, 1914, стр.